

КУСАКА

*Рассказы русских писателей
о животных*

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 82-32
ББК 84(2Рос-Рус)6
К94

К94 **Кусака** : Рассказы русских писателей о животных : [рассказы, сказки]. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2020. — 287 с. — (Серия «Школьная библиотека»).

ISBN 978-5-517-02822-8

В сборник вошли рассказы и сказки о животных русских писателей XIX — начала XX века: И. С. Тургенева, А. П. Чехова, Д. М. Мамина-Сибиряка, Л. Н. Толстого, В. Ф. Одоевского, В. И. Даля, Л. Н. Андреева и др.

УДК 82-32
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-02822-8

© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2020

Владимир Федорович
ОДОЕВСКИЙ
1804–1869

БЕДНЫЙ ГНЕДКО

Посмотрите, посмотрите, мои друзья, какой злой извозчик, как он бьет лошадку!.. В самом деле, она бежит очень плохо... Отчего ж это? Ах, бедный Гнедко, да он хромает...

— Извозчик, извозчик! Как не стыдно: ведь ты совсем испортишь свою лошадь; ты ее до смерти убьешь...

— Что нужды, — отвечает извозчик. — Уж или мне, или ей умереть! Нынче праздник.

— То-то и есть, что праздник, любезный: ты подгулял да и не посмотрел, что лошадь потеряла подковку: оттого она поскользнулась, спотыкнулась и зашибла ногу. Что мудреного, что она не может бежать? Она, бедная, что шагнет, то ей больно: тут не побежишь. А ты знаешь, что тебе надо будет платить за ее лечение, за подковку, да еще хозяин тебя будет бранить. Так тебе хочется во что бы то ни стало выручить деньги, *навести*, как ты говоришь; теперь же, благо, праздник, езды много, платят дорого... Да бедная-то лошадка в чем виновата? Виноватый-то ты, глупый мальчик: зачем ты не смотрел за нею, зачем не видал, когда она потеряла подковку?

Но он не слушает нас, он уже далеко. Вон он на Неве и все погоняет бедную лошадь, а лошадь все спотыкается,

и что шагнет, то ей больно. Бедная лошадка! Какое ей мученье!

А еще ребяташки бегут за санями да смеются и над лошадкой и над извозчиком. А он еще больше злится и вымещает свою злость на лошадке.

Но скажите, сделайте милость, как не стыдно этому толстому господину, который сидит в санях! Как он не запретит извозчику мучить бедную лошадку! Этот толстый господин завернулся в шубу, нахлобучил на глаза шляпу и сидит сиднем, как ни в чем не бывало.

«А мне что за дело, — бормочет про себя толстый господин, — я спешу на обед. Пусть извозчик убьет свою лошадь; не моя лошадь, мне что за дело».

Как вы думаете об этом, мои друзья? Будто оттого, что это не его лошадь, так и надобно ему смотреть равнодушно на ее мученье?

Бедный Гнедко! Как мне жаль его! Я давно знаю эту лошадку. Я помню, как она была еще жеребенком. Тогда, бывало, по весне солнце светит, птички чирикают, роса блестит на лужайках, в воздухе свежо и душисто. Вот Серко пашет землю, а наш жеребенок бегаёт вокруг матки: то подбежит к ней, то отскочит, пощиплет молодую травку, и опять к матери, и опять брыкнет: веселая тогда была его жизнь! Вечером возвратится домой: его встретят Ванюша с Дашею, расчешут его коротенькую гривку, вытрут соломокю. Уж как Ванюша с Дашею любили своего жеребеночка! Бывало, вместо того чтобы бегать без всякого дела, они нарвут молодой травки, положат в коробок и кормят своего жеребеночка; на ночь натаскают ему подстилки, да и днем кусочка хлеба не съедят, чтобы не поделиться с своим приятелем. И как жеребенок-то знал их! Бывало, издали увидит Ванюшу с Дашею, пустьится к ним со всех ног, прибежит, остановится и смотрит на них, как собачка. В такой холе подрос наш жере-

беночек, выровнялся и стал статною лошадкою. Вот отец Ванюши подумал, подумал, погадал: «Жалко такую лошадь в соху запречь; сведу-ка я ее в город да продам; мне за нее цену двух лошадей дадут». Сказано — сделано: свели Гнедка на конную*, в Петербург, продали извозчику. А уж как плакали Ванюша с Дашею, как они упрашивали извозчика беречь их Гнедка, не заставлять его возить тяжести, не мучить его... Они возвратились домой очень печальные: чего-то им недоставало. Отец радовался, что получил за Гнедка хорошие деньги, дети же горько плакали.

Но в этих разговорах мы прошли почти всю набережную... Посмотрите, посмотрите: что это там столпился народ!.. Пойдем.

Ах, это наш бедный Гнедко! Посмотрите: он упал и не может больше встать; прохожие помогают извозчику поднять его; они поднимут, он опять упадет. Как нога у него вспухла! Сам извозчик теперь плачет навзрыд. «Поделом ему», — вы скажете; нет, не говорите этого: он уже сам видит свою вину и уже довольно наказан. Как он покажется на глаза хозяину? Да и что делать теперь с лошадью? Оставить ее на улице нельзя; сама она идти не может; надо нанять другую лошадь с санями и на сани взвалить бедного Гнедка. Но на это нужны деньги, а у извозчика их нет: толстый господин рассердился, зачем лошадь упала, и не заплатил ничего... Бедный Гнедко! Он не может шевельнуться, зарыл голову в снег, тяжело дышит и поводит глазами, как бы требуя помощи. Бедный, он не может даже кричать, потому что лошади не кричат, как бы жестоко ни страдали. «Злой извозчик! Зачем ты так измучил бедного Гнедка?» — Но перестанем упрекать его, хотя он и много виноват, а лучше дадим ему денег,

* Конная площадь, ярмарка (*устар.*).

пусть он наймет товарища свезти Гнедка на квартиру, да прибавим совет: вперед не ездить на хромой лошади и не требовать от больной, чтобы она бежала, как здоровая. На днях пошлем узнать, лучше ли нашей лошадке.

Вообще, друзья мои, грешно мучить бедных животных, которые нам служат для пользы или для удовольствия. Кто мучит животных без всякой нужды, тот дурной человек. Кто мучит лошадь, собаку, тот в состоянии мучить и человека. А иногда это бывает и очень опасно. Вы видели, как иногда дурные ребятишки дразнят на улице собак, кошек, бьют их, привязывают им палки к хвосту; послушайте же, что однажды случилось с такими ребятишками, как они жестоко были наказаны за свою злобную охоту.

Несколько лет тому назад здесь, в Петербурге, на площади, отстала от хозяина маленькая, смирная собачка Шарло: она испугалась, прижалась к стене и не знала, что делать. Тогда окружили ее ребятишки; ну дразнить ее, ну бить, бросать камнями, таскать за хвост. Они вывели бедную собачку из терпения, она бросилась на них и некоторых укусила. Что же вышло? Собачка осталась здоровою, а ребятишки?.. Вы знаете, что бывает с человеком, когда его укусит бешеная собака? Он получает отвращение к воде, желание укусить и умирает в ужаснейших терзаниях: подумать страшно! Поверите ли? То же случилось и с укушенными ребятишками: они взбесились. Да, мои друзья, этот случай был новым доказательством того, что когда собаку долго дразнят и она, рассердившись, укусит, то ее укушение бывает так же опасно, как укушение бешеной собаки. Не мучьте же никакого животного, друзья мои, потому что это грешно и показывает злое сердце, и не мучьте собак, даже в шутку, потому что это и дурно, и опасно.

Владимир Иванович
ДАЛЬ
1801–1872

САВРАСКА

Отец мой был родом швейцарец, из Сан-Галена, а в России принадлежал к осколкам великой армии... После разных переворотов он наконец поселился вблизи Петербурга, на Выборгской стороне; здесь купил он десятин пятьдесят землицы, обзавелся скотом и стал торговать молоком и скопами*, а в особенности маслом. Дело шло порядочно, и мы, к сожаленью, начали жить хорошо, то есть несколько лучше, чем следовало.

Мне было лет тринадцать, как мы однажды вечером с одним добрым приятелем отца моего сидели у ворот и смотрели на проезжих и прохожих. День был воскресный; хмельная чухна на одноколках своих возвращалась домой из столицы, и тут было много смешного и забавного. И песню веселого чухонца нельзя слышать без грустного смеха, потому что песня эта, а еще более приемы поющего выражают какую-то дикость, смирившуюся под гнетом нужды и суровой природы. Один лежал съезжившись в тележке, спал непробудным сном, а вожжи тащились по земле; другой, невольно уступая дорогу встречной коляске, с таким же спокойствием вывали-

* *Скоп* — запас, склад чего-нибудь (*устар.*); молочные скопы — молочные продукты (творог, сметана, сливки, масло).

вался в придорожную канаву, как бы соскакивал у ворот родной избенки своей, приехав благополучно на место; третий сидел верхом на упряжной клячонке; ноги его, или по крайней мере сапоги, задавали носками за каменья или неровности каменистой дороги, а голова помахивалась направо и налево, смотря по толчкам; иной гнал во весь дух и кричал диким и сиплым голосом; другой брел пеший, держа вожжи в руках, небрежно подставлял шаткие ноги свои то под лошадь, то под телегу и даже не замечал, когда колесо одноколки прокатывалось через широкую лапу его.

В числе этой дикой, веселой братии между прочими ехал также чухонец, сидя верхом и скорчась уточкой, потому что ногами уперся он в оглобли; в одноколке его лежал жеребенок, подымал голову от каждого толчка и, поравнявшись с нами, жалобно заржал. Я вскочил и ребячески вскрикнул: «Дядюшка (так привык я называть нашего приятеля), дядя, купи жеребенка!»

Чухонец, услышав возглас мой, остановился и, продирая усиленно заволакиваемые хмелем глазки, повторил: «Купи жеребенка!» Дядя вразумил было меня, что это пустая затея; для чего покупать и куда девать недельного жеребенка, которому пришлось бы еще нанять кормилицу; но чухонец уже свалился кулем с лошади, подошел к нам и стал приставать, как банный лист, повторяя: «Купи!» Дядя, желая отделаться от неотвязного, махнул рукой и пошел во двор; но тот последовал за нами, повторял неотступно свое и наконец дружески поймал дядю за полу. Я также продолжал упрашивать, и дядя, чтоб отвязаться, спросил: «А что просишь?» — «Да что дашь?» — «Четвертак». — «Давай деньги!» И прежде чем мы успели опомниться, чухонец передал мне жеребенка с рук на руки.

Дядя отдал четвертак, чухонец уехал, а я, в восторге, понес жеребенка к матушке. Она до крайности изумилась